

Беспредел на фоне Ренессанса

Евгений ЛИТВИНОВИЧ

Тридцать лет назад в Мариинском дворце Киева первому президенту независимой Украины Леониду Кравчуку была передана грамота о том, что возглавляемое им государство является правовым преемником Украинской Народной Республики – УНР. С ней принято связывать пробу формирования государственности, успехи в образовательной сфере и расцвет национальной культуры в тяжелый период конца второго десятилетия XX века. Но какой след оставила после себя короткая эпоха УНР в Беларуси и, в частности, на Брестчине?

В январе 1918 года государственная самостоятельность Украинской Народной Республики была признана центральными державами – военно-политическим блоком противостоявших стран Антанты европейских держав, главными из которых являлись Германская и Австро-Венгерская империи. Соответственно независимость УНР не признали Великобритания и Франция – партнеры «дружественного соглашения». На территории современной Беларуси, частично вошедшей в УНР, активисты из местного населения и вовсе восприняли новую украинскую власть в буквальном смысле слова в штывы, подняв полузабытое сегодня Полесское восстание.

Миф о «длинной

теру это восстание не было прокоммунистическим, хоть большевики и оказали определенную поддержку, а являлось, скорее, вооруженным выступлением полешуков, которым надоел постоянный негатив последствий Первой мировой и гражданской войн.

Причин массовости Полесского восстания, участие в котором принимало, согласно существующим оценкам, более 10 тысяч местных жителей, как минимум, две. Первая – неспособность новой украинской власти обеспечить мир и порядок на белорусских землях. В то время беженство, разруха, нищета, голод, эпидемии и убийства мирных граждан с целью легкой и быстрой наживы становятся суровой обыденностью. Не будем забывать, что, помимо солдат УНР, на Полесье находились военизированные части немецкой и польской армий, а также многочисленные банды и группировки, которые наживались за счет грабежа. То есть вражеские войска, равно как и преступный элемент, чувствовали себя здесь хозяевами. УНР в должной мере препятствовать этому не могла и/или не собиралась, вследствие чего в ответ на непрекращающиеся насилие и бесконечные поборы перешедшие в последнюю крайнюю точку терпения жители Полесья взялись за оружие.

Второй причиной нужно назвать экономическую политику молодой украинской державы, ориентированную на прежние старые порядки и принципы угнетения человека труда. Восстанавливалась сословная власть крупных земельных собственников, земля вновь возвращалась помещикам, а на крестьянство были нало-

ряд, которым командовал Терентий Розанович, атаковал украинское подразделение в деревне Рубель (ныне Столинский район. – Прим. Е.Л.), которое под командованием офицера, прибыло для изъятия продуктов у местного населения. В результате атаки Розановича украинские военные были загнаны в болото. Окрыленные успехом партизаны двинулись на город Столин. Украинцы и местная полиция бежали без сопротивления. В руки повстанцев попали два пулемета, а также после захвата местного дворца князя Радзивилла – большое количество лошадей, что позволило создать в отряде кавалерийский эскадрон. У деревни Бережное красные партизаны вчистую разгромили противника и на его плечах ворвались в Давид-Городок, а затем, преследуя украинцев, достигли Турова. В Столине повстанцы продержались до октября, когда совместные силы немцев, украинцев и белогвардейцев выбили их из города.

Кульминационным моментом того периода является штурм белорусскими партизанами в составе 2-го повстанческого коммунистического Полесского полка Пинска, занятого силами Украинской Народной Республики. При этом нельзя не обратить внимание на последний пункт отправленной тогда по итогам вооруженного противостояния сразу нескольких сторон телеграммы:

«В ночь на 22 января (1919 года. – Прим. Е.Л.) отрядом 152-го полка занят Пинск... Нами взято до 60 человек пленных. Есть раненые и убитые. Во время боя проходящие немецкие эшелоны встали на сторону петлюровцев и принудили

украинские газеты и издательства, а хозяйственной интеграции – украинские кооперативы.

При этом речь шла действительно об украинизации в полном смысле данного понятия, обозначающего комплекс мер, осуществляемых официальными властями, направленных на продвижение и внедрение элементов украинского языка и украинской культуры среди неукраинцев. Тогдашнее население Брестчины никак не подпадало под определение украинского. Об этом можно судить по результатам переписи населения, проведенной польскими властями 30 сентября 1921 года, когда УНР на Полесье уже не существовала: на тот момент украинцами себя признавало лишь 8 процентов населения новой административно-территориальной единицы – Полесского воеводства, географически охватывающего, соответственно, десять уездов, в том числе Пинский, Лунинецкий и Столинский.

Активное продолжение украинизации отождествлялось с железным катком, который одинаково жестко мог давить любые другие языки и культуры. Такой предполагаемый вердикт – не голословная гипербола, основанная исключительно на журналистских домыслах. Вопрос об украинизации стал обсуждаться еще в марте 1917 года и приобрел новые масштабные размах и звучание в периоды Украинской державы (гетманской Украины) и Директории УНР. Украинский был объявлен государственным языком, на нем было предписано проводить все официальное общение в воинских частях, только им было разрешено пользоваться

Миф о «длинной руке Кремля»

По сей день, не будучи окончательно списанной в архив, бытует гипотеза на грани утверждения о том, что Полесское восстание было искусственно-принудительно навязано из Москвы, инспирировано и организовано Кремлем, после чего реализовано непосредственно белорусским крестьянством на местах. Однако, даже не имея достаточных познаний в истории, несложно понять очевидное: только взявшая бразды правления на себя неокрепшая советская власть никак не могла обладать влиянием подобной силы на окраины разваливающейся Российской империи. По сути и факту, большевики ограничились направлением в Полесский край своего представителя Александра Ильина для ведения переговоров с противником и координации действий восставших. Вместе с тем по своему харак-

тером, земля вновь возвращалась помещикам, а на крестьянство были наложены тяжелые продовольственные и фуражные поборы в пользу германской армии, что вызвало предсказуемое массовое народное недовольство и подъем партизанского движения в регионе.

Как констатируется в книге «Памяць» Столинского района, «с украинскими национальными формированиями боролись не потому, что они воспринимались как чужеземные захватчики (в отличие от австро-германцев), а потому, что их власть отождествлялась с властью помещиков и прочих эксплуататоров трудового народа». Не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что население белорусского Полесья не приняло не только оккупационную власть, но и восстановленный ею старый социальный порядок.

Хронология начальных успехов фрагментарно выстраивается следующим образом. Первый налет партизан в Пинском уезде произошел в августе 1918 года: от-

шли на сторону петлюровцев и принудили наших сдать в плен с гарантией их защиты до ухода петлюровцев из Пинска. Благодаря переговорам с немецкими солдатами наши части освобождены, и 25 сего января вновь занят Пинск. Петлюровцы и гайдамаки бежали, разграбив мирных жителей...»

Незавершенная украинизация

До сих пор достаточно спорным поводом, приведшим к Полесскому восстанию, считается украинизация белорусских территорий. Казалось бы, в период тотальной одновременной борьбы с интервентами всех мастей, с голодом и холодом в обычном человеческом стремлении выжить местному населению было попросту не до того. И, тем не менее, есть основания считать упомянутый процесс негативно влияющим, принудительным.

Недолгий период существования УНР, в первую очередь, отождествлялся с украинизацией, которая на Беларуси провоцировала определенные конфликты и проблемы. Так, практически с самого начала делопроизводство переводилось на украинский язык, что создавало трудности для населения. Одним из основных требований гомельских железнодорожников, забастовавших в июле 1918 года, как несложно предугадать, стала отмена украинизации, что представляется вполне логичным: неправильное понимание того или иного технического термина грозило серьезными последствиями – авариями и катастрофами.

Особый размах украинизация на Брестчине приобрела не случайно. Смешанный характер говоривших облегчал пропаганду УНР. На Брестчину направлялись сотни выпускников специальных курсов для украинизации местных школ и училищ, этой же задаче служили открытые здесь

специальное обучение в воинских частях, только им было разрешено пользоваться работникам связи в служебное время. Уже 1 января 1919 года украинский язык был объявлен обязательным для употребления во всех правительственных и общественных учреждениях, 30 января того же года его официально провозгласили языком преподавания во всех школах Украинской Народной Республики...

Таким образом, ее независимость на протяжении всего недолгого времени существования оставалась если не декларативной, то лишь частичной: фактический контроль над территорией имели германские оккупанты, а украинским деятелям отдали на откуп образование, культуру и местное самоуправление. Дальнейшие перспективы УНР на Полесье переречеркнула начавшаяся советско-польская война. Партизаны же продолжили вооруженную борьбу – теперь уже с белополяками, что вполне закономерно: в плане экономической и национальной политики для обычного простого трудяги-полешука* Украинская Народная Республика и Вторая Речь Посполитая оказались хреном и редькой одного поля.

Как констатировал историк Юрий Глушаков, аннексия белорусского Полесья в 1918 – 1919 годах не удалась; провалились и все попытки его искусственной украинизации. Немецких оккупантов сменили легионы Пилсудского, а вместо украинизации на Брестчине и Пинщине развернулась еще более тотальная полонизация.

Петлюровцы. 1918 год